

АМИНА ВОЛКОВА



ИЗМЕНА МУЖА.

ТЫ ХОТЕЛ ПОХОРОНИТЬ МЕНЯ,
КАК ПЕРВУЮ ЖЕНУ!

Амина Волкова

**Измена мужа. Ты хотел
похоронить меня,
как первую жену!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Измена мужа. Ты хотел похоронить меня, как первую жену! /
А. Волкова — «Автор», 2026

На годовщину свадьбы муж подарил мне не украшение, а иск об ограничении родительских прав.— Ты больна, Вероника. Лизе опасно оставаться с тобой! Пока гости наблюдали за моим унижением, любовница Артёма показывала поддельные справки психиатров. А возле ресторана уже ждала скорая, чтобы увезти меня на принудительное лечение. Я сбежала. Но дочь осталась у предателя. Единственный, кто согласился помочь, — Дмитрий Вольф, опасный враг моего мужа. Он обещает вернуть Лизу, но требует моего участия в разрушении империи Артёма. А потом выясняется страшное: первая жена мужа, которую все считают умершей, жива. Неужели меня готовили к той же участи? И можно ли доверять спасителю, который тоже привык распоряжаться чужими судьбами?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Амина Волкова

Измена мужа. Ты хотел похоронить меня, как первую жену!

Глава 1

От бокала на пальцах остался мокрый след. Пить не хотелось, а поставить его означало остаться с пустыми руками. Пришлось поправить ляжку платья прямо с ним. Двести тысяч за шелк, который все время норовил сползти с плеча. Артем утром сам выбрал его: «Ты должна сиять, Вера». Поцеловал в макушку и уже смотрел поверх моей головы в телефон. Я еще тогда хотела спросить, для кого сегодня сияю.

В «Белом лебеде» говорили о земле: кто получил участок, кому перекрыли подъезд, кто договорился с мэрией. За нашим столом меня спрашивали только, где Артем. Я подняла бокал, подзывая официанта; он кивнул мужчине за моим плечом и прошел мимо. Улыбку пришлось удержать. На годовщину я выбрала меню, рассадил гостей, трижды меняла цвет салфеток. Теперь стояла у стены и боялась помешать чужому разговору.

— Где он? — шепнула я соседке по столу, жене инвестора, чьи глаза уже бегали к выходу. — Артем задерживается, дорогая. Бизнес-вопросы. Она произнесла это, глядя на вход. Я потянулась к ней через стол. — Он тебе звонил? Соседка поправила браслет и убрала руку под стол. — Вера, ну что ты. Я же сказала: задерживается.

Ни звонка, ни сообщения. Я проверила, не выключен ли звук, хотя прекрасно слышала каждый сигнал за соседними столами. Пять лет. Неужели он не мог приехать вовремя хотя бы сегодня? От этой мысли пришлось отвернуться: я боялась даже не его опоздания, а того, как все заметят, что он не спешит ко мне.

И тогда он вошел.

Первой я увидела Ингу. Она висела на руке Артема, касаясь щекой его плеча. Так я сама ходила с ним в первый год, когда еще можно было не спрашивать, удобно ли ему. Инга была его корпоративным адвокатом; ее я знала достаточно хорошо, чтобы это прикосновение не принять за случайность. Они подошли к столу. — Вероника, ты смущаешь гостей своей истеричностью. Присядь. Он произнес это до того, как я успела открыть рот.

Он говорил тем голосом, которым успокаивал Лизу после дурного сна. От этого хотелось втянуть голову в плечи. Щеки горели; мне казалось, гости смотрят именно на них. Поставив свой бокал, я приняла тот, который Артем сунул мне в руку. Зачем взяла? Даже этого простого отказа не смогла сделать при всех.

— Подарок, — сказал Артем, доставая бархатную коробочку. Бархат под пальцами был теплым от его ладони. Все-таки помнит? Я открыла крышку, уже собираясь улыбнуться. Плотный картонный конверт. Печать суда. За столом кто-то перестал говорить на полуслове. Я поддела край бумаги; лист цеплялся за конверт, и пришлось выдернуть его. «Иск об ограничении родительских прав...» Дальше шли наши фамилии. Моя и Лизы. Вернулась к первой строке — вдруг прочитала неправильно?

— За твоё выздоровление, Вера, — Артем поднял бокал. На мне был его подарок, в руке — его шампанское, а перед глазами — требование отнять у меня дочь. Он смотрел, как я читаю, и чуть приподнял брови: ну же, давай. Теперь я поняла, зачем понадобились гости. Ему мало было этой бумаги. Он хотел, чтобы я сорвалась при свидетелях.

Я встала. Стул со скрежетом отъехал назад. — Что это значит? — мой голос сорвался на визг, и я сразу же прокляла себя за это. Артем развернулся к гостям. Теперь смотрел на

них, хотя вопрос задала я: — Друзья, вы видите сами. Приступы стали чаще. Лиза боится её. Я терпел полгода, но ради ребенка... Инга тут же раскрыла папку и подала ему документы. Он держал листы за верхние углы, печатями к гостям. Справки о моей «психической нестабильности». Фальшивые. Раньше я получала от Инги счета для подписи; сейчас хотелось вырвать эту папку у нее из рук.

— Это ложь! — я протянула руку к справкам. Артем поднял их выше. — Артем, прекрати! От входа двинулись охранники. Один встал у прохода между столами, второй свернул ко мне. Нанятые заранее, они уже знали, кого выводить; Артем даже кивнуть им не потрудился. Я попятилась, ударившись бедром о стул. За их плечами мелькнуло платье Лизы.

Я метнулась к служебному выходу, где няня уже выводила Лизу. Моя дочь плакала, тянула ручки вверх, увидев маму. — Мама! Между нами захлопнули стеклянную дверь. Я ударила по ней кулаком; кольцо царапнуло стекло, о край рамы разбилась костяшка. Кровь потекла по руке. Охранник схватил меня за локоть, грубо отшвыривая назад. Артем подошел ближе. Вынул из кармана платок, аккуратно вытер кровь с моей руки. Его пальцы коснулись моей щеки. — Ты сама просила этот развод, просто не знала, как его оформить, — прошептал он мне на ухо. Его дыхание было теплым. Отвратительно теплым.

Меня вывели через черную дверь на парковку. Ночной воздух бил в лицо, смешанный с выхлопными газами и запахом мокрого асфальта. Меня ждала не машина, а скорая помощь. Врач с бледным лицом держал в руках ампулу седативного препарата и справку о диагнозе «острое психотическое расстройство». — Садитесь, Вероника Андреевна, — мягко сказал он. — Вам нужно отдохнуть. На справке уже стоял диагноз. Врач протягивал ко мне руку, и я отступила до самого борта машины. В клинике меня будут слушать с этой бумажкой перед глазами. А Лиза останется с ним. — Я не поеду. Он взял меня за руку. Тогда я вцепилась зубами в его запястье. Он дернулся, но я держала, пока не заболела челюсть. Врач вскрикнул и отшатнулся. Вырвав руку, я рванула с парковки. Каблук подвернулся; пришлось сбросить туфли и бежать босиком. Холодный асфальт колот ступни. Оглянуться означало потерять еще шаг, и я смотрела только вперед. Сзади слышался топот охранников и злой голос Артема: — Найдите её! Любой ценой!

Мой телефон завибрировал в кармане. Сообщение от неизвестного номера: «Не садись в машину. Иди к черному внедорожнику у запасного выхода. У тебя есть 3 минуты».

Остановилась только у поворота, где меня не было видно с крыльца. Во рту пересохло. Сообщение требовало идти к другой машине, но к какой? Если там тоже люди Артема, второй раз вырваться не получится. В ресторан я вернуться не могла: там меня ждали с ампулой. Черный внедорожник нашелся у запасного выхода. Фары били в глаза, двигатель работал. Я дернула ручку и забралась внутрь, пока не успела передумать.

Водителя я узнала по фотографии, которую Артем показывал накануне со словами: «Этот Вольф еще пожалеет». Дмитрий, глава службы безопасности холдинга. Главный враг мужа — так его называли дома, и других характеристик мне не полагалось. Он смотрел на меня в зеркало, потом на выход из ресторана. Вопросы, больно ли мне, не последовало. — Вы пахнете кровью и страхом, Вероника. Он опустил взгляд на мою руку. Я закрыла костяшки другой ладонью. — Это плохой запах для переговоров. Но я дам вам шанс. — На что? — Уехать. Остальное обсудим. Переговоров? В горле застряла просьба отвезти меня к дочери. Он даже не тронулся, пока договаривал. Пришлось сесть глубже в кресло: только бы уехал, пока Артем не подошел к машине.

Мы ни разу не разговаривали до этой ночи. Кто дал ему мой номер? Он нажал на газ раньше, чем я смогла спросить. В зеркале Артем шагнул с крыльца и остановился с поднятой рукой — узнал машину. Я смотрела, пока ресторан не исчез за поворотом. Вольф мог оказаться хуже мужа. Но сейчас я сидела без наручников, дверь не была заперта снаружи, а до моего локтя никто не дотрагивался. Я провела языком по губе и только тогда заметила кровь.

Глава 2

Утром Вольф довез меня до нашего подъезда. «Заберешь документы, если пустят». Его куртка доходила мне почти до колен. Я прижалась лбом к панели домофона: хотелось успеть войти, пока Артем не передумал и не прислал снова врача. Над дверью поблескивало «Серебряный Бор». Каждый месяц я оплачивала обслуживание этих букв. Сейчас вводила привычный код разбитыми о ресторанный раму пальцами и промахивалась по кнопкам.

Пик-пик-пик.

Тишина. Экран погас.

— Пропустите меня, — попросила я консьержку за стойкой. Та продолжала листать сторис в телефоне. На рукаве ее выглаженной формы блеснул логотип управляющей компании; рядом со стойкой я стояла в чужой куртке. — Вы меня знаете. Тридцать седьмая. Она ткнула в экран, выключая звук ролика, и наконец подняла голову.

— Квартира тридцать семь опечатана, — буркнула она, не меняя интонации. — Клиент запретил доступ третьим лицам. Идите лесом, гражданочка.

Лесом. На этом самом мраморе Лиза однажды разлила пакет сока. Я тогда полчаса извинялась перед консьержкой и сама вытирала липкую лужу. Теперь хотелось спросить, помнит ли она. Но она уже вернулась к своему телефону.

Я шагнула к турникету. В кармане куртки лежал мой электронный пропуск — та самая пластиковая карта, которую мне вручили в день новоселья вместе с букетом роз. Артем тогда улыбался так широко, что у него морщился нос. «Для тебя, родная. Чтобы ты чувствовала себя хозяйкой».

Приложила карту к считывателю. Красный крест. Блокировка.

Я снова приложила. Снова красный крест. На мониторе консьержки я успела прочитать имя в карточке квартиры. Не «Вероника Ковалева». А «Инга Смирнова». Адвокат. Его любовница. Инге открывали дверь. Мне — нет. Моя карта лежала на ладони, бесполезная, хотя за нее по-прежнему платили с нашего счета.

— Пусти! — крикнула я, пытаюсь протиснуться мимо створки турникета.

Охранник взял меня за плечо и отодвинул от створки. На водолазке у него была нашивка той же фирмы, что стояла в счетах за безопасность дома. Раньше я благодарила этих людей за поднятые пакеты. Он даже головы не наклонил, чтобы услышать меня.

— Спокойно, женщина. Здесь частная территория. Он придержал меня за плечо, пока створка закрывалась. — Показывайте ордер или решение суда. Без бумаги вы просто сумасшедшая, которая пытается проникнуть в чужое жилище.

— Это мое жилище! — я выхватила из сумки паспорт, дрожащими руками раскрывая страницу со штампом о регистрации. — Смотрите! Вероника Андреевна Ковалева! Прописка!

Охранник даже не посмотрел на документ. Он коснулся гарнитуры в ухе, тихо говоря куда-то вверх, на этаж: — Третий пост. Подъезд один. Пытается пройти жилец... Нет, не пустим. Ждем указаний.

Он слушал команды сверху. Штамп в паспорте ничего не менял. Я раскрыла документ шире, но он отодвинул мою руку, даже не прочитав адрес.

Двери лифта разъехались, и на первый этаж вышла Инга. Ее пальто цвета верблюжьей шерсти стоило больше моей годовой зарплаты. Она застегивала верхнюю пуговицу и даже не посмотрела на турникет. Шпильки цокали по мрамору; охранник сразу повернулся к ней.

— Вероника. Вы опять? Мы же договаривались. Она улыбнулась охраннику поверх моего плеча. Я стояла между ними с раскрытым паспортом. — Квартира арестована судебным приставом. Есть угроза здоровью ребенка со стороны матери. Психическая нестабильность под-

тверждена справками из клиники. — Когда мы договаривались? При Лизе повторишь? Инга перевела взгляд на паспорт, но брать его не стала.

— Это подлог! — заорала я, чувствуя, как слезы жгут глаза. — Ты знаешь это! Артем купил эти справки!

Охранник отвлекся на вызов. Я проскочила к лифту; Инга вошла следом. На нашем этаже я рванулась к двери своей квартиры. Там, на косяке, висела пломба с номером. Белая бумажная лента. Я дернула ленту ногтем. Край отстал от косяка, но дверь не открылась. Инга спокойно достала телефон.

— Полиция, — сказала она коротко. — Адрес тот же. Агрессивная пациентка, попытка взлома. Да, она опасна.

Через десять минут во дворе завывала сирена. Я узнала сирену и крепче вцепилась в дверную ручку.

Два полицейских поднялись к нам на этаж. Инга показала на меня, потом на сорванный край пломбы. Старший обошел ее и потянул меня от двери; второй остался рядом с Ингой. Паспорт был у меня в руке, но спрашивали они ее.

— Выходите, гражданка, — потребовал старший. — За нарушение порядка.

— Я хочу забрать документы на дочь! — цепляясь за дверную ручку, кричала я. Ногти ломались о металл, оставляя кровавые полумесяцы на серебре. — Там её фото! Её медкарта!

Один из офицеров грубо оттолкнул меня. Я ударилась спиной о стену, воздух вышибло из легких. Запах пота и дешевого мужского одеколона с его куртки ударил в ноздри. Холод металла наручников коснулся запястья, когда он начал защелкивать замок. Второй забрал у меня паспорт: «Проверим личность». Возвращать его никто не спешил.

Вольф появился в коридоре, когда полицейский уже держал мое запястье. Мокрые плечи плаща выделялись в ярком свете. Он посмотрел на руку, на паспорт у второго полицейского, на меня. Я ждала, что он хотя бы скажет: «Я ее знаю». Но он молчал так долго, что я успела испугаться — не за тем ли он привез меня сюда, чтобы посмотреть, как увезут?

Вольф сделал шаг вперед.

— Коллеги. Служба безопасности холдинга «Вольф Групп». Полицейский задержал руку на замке наручников. — Этот инцидент мы сопровождаем. Увезете ее — наши юристы начнут с проверки ваших действий. — Она сорвала пломбу, — вмешалась Инга. Вольф посмотрел на полицейского, продолжая говорить ему: — Отпустите ее. Я беру ответственность на себя.

Полицейский оставил вторую половину наручников висеть и посмотрел на напарника. Тот первым отвел глаза. Паспорт так и остался у него. Вольф стоял рядом, пока с моей руки не сняли металл; я растирала запястье, хотя от этого было только больнее. Ни протокола, ни объяснения мне не дали.

— Иди отсюда, — прошипел Вольф мне, не повышая голоса, но так, что стало страшно дышать.

Пока полицейский убирал наручники, Артем выдернул телефон из наружного кармана моей сумки. Я схватила ремень, но аппарат уже был у него. Артем отступил, прикрывшись плечом полицейского. Из-за спины донеслось: «Иди!» — и я бросилась к пожарной лестнице. На ходу дернула пустой карман. За мной спорили; сквозь голоса пробился смешок Инги.

На лестничной клетке пахло пылью и сыростью. Обогнула площадку нашего двадцать пятого этажа и вышла на открытый переход к пожарной лестнице.

Глава 3

Через приоткрытую дверь балкона тянуло сигаретным дымом. Артем уже был там, закутанный в халат. За время спора успел выйти вперед меня. Он курил и смотрел вниз; телефон держал в руке.

Артем услышал шаги и обернулся. Сигарету оставил во рту. По его взгляду я поняла, как выгляжу: волосы прилипли к лицу, на щеке синяк, куртка чужая и огромная. Он усмехнулся. Даже в халате, на холодном балконе, он держался так, будто это я пришла просить у него денег на дорогу.

— Опять, Вероника? — крикнул он поверх ветра. — Тебе мало повестки?

Артем разжал пальцы. Я рванулась к нему, но телефон уже падал. В нем оставался номер единственного адвоката, которому я могла позвонить, и вчерашние фотографии Лизы. Артем даже не наклонился посмотреть, куда бросил.

Телефон летел вниз, прямо в открытые крышки мусорных контейнеров во дворе. Сверху я не слышала удара. Только увидела, куда он упал.

Артем захлопнул балконную дверь. Я дернула ручку и услышала, как он повернул замок с другой стороны.

Я села на бетон, не выбирая места. Когда-то этот телефон казался мне слишком дорогим: Артем купил его, потому что старый «позорил». Теперь там оставались фотографии Лизы и номер адвоката. Резервную копию я все откладывала. Еще вчера откладывала. Пришлось подняться: он упал в контейнер, значит, пока не вывезли мусор, его можно найти.

На лестнице сбивалась со счета этажей и начинала считать заново. Двадцать пять. Сколько минут до двора? Во дворе пахло мокрой землей и гниющими овощами. Контейнеры стояли в углу, залитые тусклым светом фонарей. Я нырнула внутрь, преодолевая тошноту от вони, шаря руками в липких мешках.

— Ищишь вот это?

Голос раздался над головой. Я замерла, сжимая в руке какой-то мусор.

Дмитрий Вольф стоял на краю контейнера, держа в руке мой телефон. Экран светился, показывая входящие сообщения.

— Отдай, — прошептала я, протягивая грязные, окровавленные пальцы.

Вольф держал телефон выше моей вытянутой руки. Я встала в контейнере, и липкий мешок под ногой осел. Он дождался, пока я снова найду опору, но аппарат не отдал. Помогает — и даже тут хочет что-то получить.

— Почему он боится этих документов? — спросил Вольф. — Что там такого, ради чего человек готов пачкать руки в мусоре и топтать жену?

Я схватила телефон, когда он наконец протянул его мне. Пальцы дрожали, экран залился светом. Сообщение от подруги Маши: «Вероник, ты видела новость? Тебя объявили в розыск за угрозу жизни дочери. Артем сказал всем, что ты пыталась увезти Лизу силой».

Прочитала Машино сообщение вслух до слова «дочери» и замолчала. Лиза звала меня через стекло. Тянулась ко мне. Теперь Артем рассказывал всем, что спас ее от матери.

На мониторе консьержки уже стояла фамилия Инги. Пропуск отключен, квартира опечатана, паспорт забрали. Если бы дело было только в опеке, зачем им понадобилось вычеркивать меня из дома? Вольф спрашивал о документах. Мне нужно было добраться до них, пока там тоже не появилось имя Инги.

На экране оставалось Машино сообщение. Я переслала его Вольфу: пусть сохранит. Еще одна ложь, которую мне придется опровергать, прежде чем я смогу обнять дочь.

Вольф сунул руки в карманы. Я продолжала держать телефон обеими ладонями: на треснувшем экране была фотография дочери. Хотелось спросить, зачем ему мои документы, но он заговорил первым.

— Первая жена твоего мужа числится погибшей. А квартира после ее смерти оказалась у него, — сказал он. Я посмотрела вверх, на наш балкон. Артем все еще был там. — А ты думаешь, он просто хочет забрать ребенка? Ты держишь в руках не развод, Вероника. Ты держишь в руках приговор себе. Я могу помочь тебе его избежать... ценой всего, что у тебя осталось. Прижала телефон к груди. Все, что осталось, весило меньше двухсот граммов и показывало входящие угрозы.

У двери мотеля я вытерла щеки рукавом и только сильнее размазала тушь. Хотелось получить ключ, закрыться изнутри и хотя бы час никому не объяснять, почему у меня кровь на руках. Мотель «Уют» на окраине Москвы встретил меня запахом сырости, жареного лука и чужого пота. Администратор — толстый мужчина с мутными глазами за стеклом кассы — даже не поднял головы, когда я протянула ему часы Артема, которые он утром перед годовщиной сунул в мою сумку: «Отдашь мастеру, отстают». Золотые, тяжелые, с гравировкой нашей годовщины. Они стоили больше, чем весь этот обшарпанный этаж вместе с постельным бельем.

— Паспорт, — бросил он, тыкая пальцем в монитор. — У меня нет паспорта, — голос дрогнул, но я заставила себя выпрямить спину. — Я могу оставить залог. Это Rolex. Вы можете продать их и вернуть деньги завтра. Администратор наклонился к стеклу. Я подтянула куртку на груди, прикрывая промокший шелк, но он уже разглядывал разбитые костяшки. Часы остались лежать между нами. Он даже не взял их, чтобы проверить гравировку. — Таких, как ты, мы тут не держим, — фыркнул он, отодвигая часы обратно ко мне. — А ну вон отсюда. Пока полицию не вызвал. За вымогательство или за бродяжничество? Решай сама.

Я сгрэбла часы со стойки так быстро, что браслет ударил по костяшкам. Сказать администратору было нечего: паспорта у меня действительно не было. За стеклом шумел дождь, и я медлила у двери, надеясь, что он окликнет. Не окликнул. Пришлось выйти. У подъезда хотя бы можно было переждать, пока куртка перестанет липнуть к спине.

В подъезде соседнего дома пахло мочой и старыми газетами. Я присела на ступеньки, прижимая колени к груди, чтобы перестать трястись. В глубине коридора хлопнула дверь; я подтянула сумку поближе. Тишина. Можно еще посидеть. Через пять минут из темноты вышел мужик и остановился надо мной. От перегара пришлось отвернуться, но он обошел ступеньку, снова оказываясь перед лицом. — Эй, дамочка, — он пнул носком сапога мою сумку. — Место платное. Или идешь дальше, или вызываю участкового. Бродяжничество, статья такая. Знаешь, какая это мораль для матери? Откуда он взял про мать? Я прижала сумку к животу. После сегодняшних полицейских хватило слова «участковый», чтобы опять захотелось оправдываться. Мужик протянул грязную ладонь, и я поняла: ему все равно, кто я. Ему нужно что-нибудь получить. Вольф у контейнера тоже держал мой телефон, пока я не ответила на его вопрос. Просьбы здесь не помогут. Чем откупиться от этого?

Достала из кармана помолвочное кольцо. Шесть лет назад Артем сам надел его мне на палец и не сразу отпустил руку. Я тогда смеялась: ну дай посмотреть. Теперь зажала бриллиант между пальцами, чтобы мужик не перехватил, пока я не договорю. — Берите, — прошептала я и швырнула кольцо прямо в лужу у его ног. Вода взмутилась, блеснув гранями. — Или я сейчас заору так, что сбежится вся округа. И скажу, что вы меня ограбили. Выбор за вами.

Он переводил взгляд с меня на кольцо. Я еще держала рот открытым, готовая заорать, когда он нагнулся к луже. Схватил добычу и ушел, один раз оглянувшись. Колени продолжали трястись. Я не собиралась подставлять его полиции; сейчас просто хотелось, чтобы он поверил. Подняв ладонь к лицу, я увидела светлую полоску там, где прежде сидело кольцо.

Ноги гудели, когда я добралась до другого мотеля, тихого и полуразрушенного. За номер 14 хозяйка взяла часы в залог. Сам номер пах плесенью и старым табаком. Но Wi-Fi сухая

женщина с сеткой на волосах отказалась дать бесплатно. — Предоплата или вали, — сказала она, захлопывая дверь перед моим носом.

Телефон не включался. На черном стекле отражалась я: губы белые, возле носа размазана тушь. Пароли от старых ящиков Артема помнила наизусть — он заставлял меня менять их и ругался, если записывала. Там еще мог сохраниться закрытый чат о фондах и сделках. Нужен был любой работающий экран. В кафе напротив у окна светился планшет; я поднялась, пока хозяйка не успела потребовать еще какой-нибудь залог.

В кафе напротив заказала самый дешевый кофе и села у окна с гостевым планшетом. Все окна в нем уже были открыты; я проверила, вышел ли прежний посетитель из почты. Потом ввела свои данные, дважды ошибившись в пароле. По IP-адресу меня могли найти здесь. Но без сообщения Вольфу я и завтра проснусь в том же номере, если вообще дадут поспать. Набрала наш условный код: «SOS. Красный код. Есть адрес сейфа». Перед отправкой еще раз сверила имя адресата.

Глава 4

Ответ пришел через минуту. Не текст. Звонок. — Ты жива? — спросил Дмитрий Вольф, и я придвинула планшет ближе, чтобы за соседним столом не слышали его голос. — Пока да, — ответила я, оглядываясь на улицу. Дождь усилился. — Жива — мало. Мне нужен список клиентов Артема. Тот чат. Где хранятся резервные копии ключей доступа к его фондам. — У меня нет доступа к телефону Артема, — быстро сказала я. — Но я знаю, где физический архив. Сейф у его матери в поселке. Сегодня ночью там слабая охрана, хозяева уехали на дачу. Если ты обеспечишь мне защиту и юридическую поддержку... я дам тебе время и место. Вольф молчал. Я прижала салфетку к губам: пока ждала ответа, снова начала грызть заусенец. — Интересная сделка, Вероника. Ты предлагаешь мне преступление в обмен на жизнь? — Я предлагаю тебе победу, — парировала я. — А себе — шанс увидеть дочь.

Вольф согласился на встречу. Адрес я записала на салфетке. В кафе мне дали зарядное устройство; через двадцать минут телефон ожил. Я вернулась в номер 14, чувствуя, как напряжение отпускает мышцы. До встречи нужно было дожидаться утра. Лампа мигала, и каждый раз я смотрела на дверь: вдруг отключат свет во всем коридоре. В комнате нечем было дышать; от плесени першило в горле. Я подошла к окну, чтобы открыть форточку, но стекло заскрежетало, заклинив замок. Резким движением я ударила по нему кулаком. Стекло треснуло. Я отдернула руку слишком поздно: осколки порезали пальцы, кровь капнула на подоконник. Через дыру потянуло холодом. Вот и проветрила. Теперь хозяйка потребует платить еще и за окно. Я зажала порез краем полотенца. Только бы завтра смогла удержать ручку и подписать заявление.

В дверь постучали — сразу несколько раз, без паузы. Я замерла с полотенцем у руки. Вольф назначил встречу на утро; кто тогда пришел сейчас? В глазке появилось лицо Инги. Сюда она добралась сухой: костюм без пятен, ни одной пряди на лбу. Оглянувшись на лестницу и снова подняла руку к двери. Я поправила полотенце, чтобы кровь не капала на пол, и подошла ближе. Я открыла дверь, но не пустила ее внутрь. — Вероника, — Инга улыбнулась, демонстрируя белоснежные зубы. — Давай будем умными девочками. Подпиши отказ от опеки. Взамен — квартира в Подмоскowie. Чистая, светлая. Для тебя и Лизы. Артем очень хочет помочь. Для меня и Лизы. Она даже произнесла это без запинки. Откажись от дочери — и получишь комнату, где можно ждать ее до конца жизни. Я уперлась плечом в косяк, чтобы Инга не прошла, пока я смотрю на бумаги. — Артем прислал тебя? — спросила я тихо. Инга наклонилась ближе, понижая голос. — Мы можем всё решить мирно. — Скажи ему, — я посмотрела ей прямо в зрачки, заставляя себя не отводить взгляд, — что я знаю про первую жену. Про то, как он убирал доказательства. Инга открыла рот, но ответа не последовало. Бумаги прижала к себе. Я ждала привычного «это подлог» или «вы опять истерите» — она оглянулась на лестницу. Значит, Вольф сказал правду. Хотелось спросить еще, но я боялась, что голос выдаст: кроме его слов, у меня ничего нет. Захлопнула дверь перед ее носом и повернула замок.

Инга ударила ладонью по двери, потом еще раз, уже кулаком. — Открой! Я вызову полицию! Тебя обвинят в краже имущества! Кольца и часы! Артем уже проверил, что пропало! По коридору кто-то шел к нам. Инга замолчала, и от этого стало хуже: она дождалась своих? Телефон чуть не выскользнул из мокрой ладони. Нашла Вольфа в вызовах и нажала на его имя. — Они здесь. Инга и кто-то еще. Номер 14. Связь оборвалась. Полоска света под дверью погасла; на экране остался мой последний вызов. Получил он адрес или нет? Шаги стали ближе. Я убрала яркость, чтобы меня не было видно через щель, и отступила к тумбочке.

Дверь скрипнула. Я схватила тумбочку, пытаясь подпереть вход, но руки предательски соскользнули. Я упала на пол среди осколков стекла. Острая боль пронзила ладонь, но я не вскрикнула. Ручка пошла вниз. Отползти дальше мешала кровать; я подтянула ноги, чтобы вошедший хотя бы не смог схватить меня за щиколотки.

Щелчок. Дверь открылась. Хозяйка снаружи повернула запасной ключ. Из темноты коридора шагнула фигура. Высокая, широкая в плечах. Дмитрий Вольф. За ним двое мужчин в черных куртках. Инга стояла позади них, бледная, прижавшись спиной к стене. Вольф показал ей удостоверение и кивнул на камеру над дверью. Один из его людей проводил Ингу к лестнице. Она исчезла, растворившись во тьме лестничного пролета.

Вольф остановился над осколками. Я спрятала за спину порезанную ладонь — глупо, кровь уже была и на одежде, и на полу. Он перевел взгляд на разбитое окно. Почему-то именно за это перед ним стало стыдно, как перед хозяином квартиры. — Ты держишься лучше, чем я думал, — сказал он и чуть улыбнулся. Я не могла понять, рад ли он, что успел, или ему нравится видеть меня на полу. Он протянул руку. — Но ты не можешь жить здесь. Идем.

Вложила ладонь в его руку. Его пальцы сомкнулись крепко; он подождал, пока я поставлю стопу на пол, и поднял одним рывком. Вцепилась в его рукав, чтобы не наступить на стекло. От теплой ладони захотелось шагнуть к нему ближе, хотя еще минуту назад я стыдилась даже посмотреть в лицо. — Куда? — спросила я, чувствуя головокружение. — В безопасное место. Там, где Артем не сможет дотянуться.

На улице я сразу втянула голову в плечи. Вольф снял пальто и накинул на меня; воротник оказался у самого носа. От шерсти пахло табаком. Я подтянула полы, чтобы прикрыть ноги, и только после этого смогла разжать зубы. Его пальто стоило, наверное, больше всего мотеля. Вернуть его придется — эта нелепая мысль почему-то держалась крепче, чем вопрос, куда мы едем.

Мы сели в черный внедорожник. Вольф завел мотор. В зеркале заднего вида я видела, как Инга бежит прочь, теряясь в темноте двора. Мой телефон, который я сняла с зарядки перед уходом, вдруг завибрировал. Экран вспыхнул именем «Артем». Звук был резким, требовательным. Я инстинктивно потянулась к карману, где лежал телефон, но Вольф перехватил мою руку. Его пальцы сомкнулись на запястье крепко, почти больно. — Пусть орет, — сказал он, глядя на дорогу. Его голос был ровным, спокойным, и от этого спокойствия у меня перехватывало горло. Машина тронулась. Артем продолжал звонить; раньше после третьего сигнала я уже готовила объяснение, почему не ответила сразу. Сейчас положила телефон экраном вниз. Вольф убрал руку с моего запястья, но я еще чувствовала его пальцы. Куда он везет меня, я не знала. И все-таки, когда мотель исчез за поворотом, расправила плечи под его пальто.

Глава 5

В гостинице я вымыла руки три раза, но у ногтей осталась кровь. Утром водитель привез меня к «Вольф & Ко». Купленные по дороге ботинки терли пятки; я остановилась перед входом, чтобы поправить задник. Теперь предстояло узнать, чего Дмитрий потребует за ночь без погонь. Через стекло виднелись кофемашина и стойка ресепшена. Оттуда на меня уже смотрели. Я убрала руку от ботинка и вошла.

Охранник за стойкой ресепшена даже не поднял глаз от монитора. — Пропуск? — Мне нужен Дмитрий Вольф. На его имени голос сорвался. Охранник поднял глаза, заглянул через стойку на мои ботинки. Я отступила на полшага: только что купила их, но уже успела ободрать задники. Сумку поставила к ноге. Хотелось достать телефон и показать, что Вольф мне звонил, — а вдруг охранник тоже его заберет? — Милочка, здесь не благотворительная контора для бездомных. Уходите. Или вызову полицию. Я шагнула к двери. Охранник перехватил локоть и дернул назад; ремень сумки соскользнул с плеча. Второй рукой пришлось удерживать сумку. — Выпустите руку, — сказала я тише, чем хотела бы. — Сейчас выпущу тебя на улицу через окно, если не будешь мешать работать.

Охранник ослабил хватку прежде, чем я увидела Вольфа. Он вышел из лифта и остановился возле стойки. Костюм на нем был другой, темно-синий; видимо, он успел и поспать, и переодеться. Хотелось закрыть рукавом сбитые костяшки, но охранник все еще держал локоть. Дмитрий смотрел на его руку. Я перестала дергаться: пусть видит, что меня схватили уже у выхода, когда я послушалась и уходила.

— Отпусти ее. Дмитрий даже не подошел к нам. Охранник отдернул руку и выпрямился, прижав локти к бокам. Я подняла сумку на плечо. Он потянулся помочь — теперь уже осторожно, — но я отступила. — Господин Вольф, я... эта женщина... — Она моя клиентка. Иди на место.

Вольф развернулся к лифту, и я поспешила за ним. Только бы ботинок не слетел с пятки. В тесной кабине пришлось встать рядом; от его воротника пахло сандалом и табаком. В зеркале я увидела нас вместе и подтянула сумку повыше, прикрывая испачканный рукав. Он застал меня вчера на полу, но здесь почему-то хотелось выглядеть лучше. Чтобы не раздумал. Чтобы разговаривал со мной, а не решал за меня, как охранник внизу. Я ухватила за поручень. Когда двери открылись на тридцатом этаже, он повел меня в переговорную.

В белой переговорной стульев было больше, чем в мотеле номеров. На столе стояли две чашки кофе. Для нас. Я остановилась напротив одной, не решаясь сесть без приглашения. Вольф закрыл дверь на замок; пришлось удержать себя, чтобы не оглянуться. — Пей, — приказал он, кивнув на чашку. Села, взяла чашку обеими руками и тут же перехватила за ручку: от горячего порезы заболели сильнее. Первый глоток пришлось проглотить через силу — крепко, без сахара. Вольф сел напротив. До своей чашки не дотронулся, смотрел на меня, и я заставила себя сделать второй глоток. Хотя бы с этим справлюсь без его помощи. — Ты пахнешь страхом, Вероника. Это плохо для свидетеля. Плохо для матери. Поставила чашку на блюдце слишком резко. Кофе выплеснулся, и я зажала мокрые пальцы под столом. Для матери? Он видел, как Артем отнял у меня телефон, как я лезла в мусор. А теперь тоже собирался объяснять, что я плохая мать, потому что испугалась? — А ты пахнешь деньгами и безнаказанностью, Дмитрий Сергеевич. Но мы не обсуждаем парфюмерию. Мы обсуждаем мою дочь. Он усмехнулся, придвинул папку к себе. Я не потянулась вытирать кофе. Пятно пусть остается — я пришла сюда не убирать за нами. — Дочь. Лиза. Пять лет. Живет в загородном доме бабушки. От тебя требуют отстранить ребенка. Причина: нестабильное психическое состояние, подтвержденное справками клиники «Гармония». Он достал из папки распечатку и швырнул на стол. Бумаги скользнули ко мне. — Суд завтра в десять утра. Если ты придешь туда в таком виде, тебя не

пустят дальше гардероба. Артем уже всё решил. Тебя нет. Ребенка нет. Без документов и адвоката твое слово ничего не будет весить.

Справки были напечатаны аккуратно. Под диагнозом стояла печать, под показаниями свекрови — подпись. Моей жизни на этих листах хватило трех абзацев: не кормлю, срываюсь, опасна. Я перевернула страницу, надеясь найти хоть одно имя врача, которого знала. — Что тебе нужно? — спросила наконец. Вольф откинулся в кресле. — Деньги у тебя есть? Нет. Недвижимость? Заблокирована. Репутация? Уничтожена. — Тогда зачем я здесь? — Потому что ты знаешь то, чего не знает никто другой. Кроме Инги. А Инга боится меня больше, чем Артема.

Телефон Вольфа завибрировал на столе. Экран показал номер «Артём». Вольф не ответил. Он просто перевернул телефон экраном вниз. — Он узнал, что ты со мной, — Вольф отодвинул чашку, освобождая место перед собой. — И прислал приветствие. — Какое? — Черный джип крутится вокруг здания. Там люди с оружием. Не полицейские. Частная армия. Я посмотрела на дверь, которую он запер. До нее было несколько метров, а потом лифт и охранник, еще минуту назад грозивший полицией. Вольф продолжал сидеть. — Нам нужно уйти. — Нам нужно не уходить. Нам нужно исчезнуть.

Вольф встал, и я тоже поднялась, задев коленом стол. Он схватил меня за запястье. Было больно; я успела только перехватить сумку свободной рукой. Сейчас спорить о том, как меня держать, я не собиралась — лишь бы уйти из здания раньше тех, кто приехал на джипе. Он повел меня не к лифту, а к служебной лестнице, ведущей в подземный гараж. — Беги, — командовал он. На бетонных ступенях пришлось смотреть под ноги: новые ботинки скользили, а Вольф не замедлялся. Наши шаги отдавались между этажами, и я не могла различить, бежит ли кто-то следом. Внизу пахло выхлопами. Между дорогими машинами оставались узкие проходы; я подтянула сумку, чтобы ни за что не зацепиться. Вольф привел меня к черному внедорожнику с затемненными стеклами. — Садись. Он завел двигатель. Машина мягко тронулась с места, выезжая из гаража через отдельный выезд, где камеры, как назло, были сломаны. Или их специально отключили. Вольф ехал молча. На первом светофоре я оглянулась: темная машина тоже остановилась, но свернула на следующем перекрестке. Хотелось спросить, куда мы едем. Вчера он отвез меня в гостиницу. Сейчас у меня в сумке лежали его справки, а руки еще дрожали после лестницы. Сперва нужно было добиться ответа про Лизу; все остальное он опять мог отложить. Через двадцать минут машина остановилась у подъезда старой хрущевки в районе Кузьминки. — Выходи. Он протянул связку ключей. Старый железный ключ от квартиры оттягивал ладонь. Я сжала его и осталась возле машины: сперва договорим. — Здесь есть вода, еда и интернет. Никто не найдет тебя раньше утра. — А Лиза? Вольф посмотрел на меня сквозь стекло. На Лизино имя он хотя бы повернулся; я подалась к окну, пока он снова не тронулся. — Завтра мой адвокат потребует запретить вывоз Лизы и проверить справки. Пока спор идет, добьемся безопасного размещения ребенка и встреч с тобой. А финансовые документы помогут показать, зачем Артему понадобилось тебя убрать. — Где я их возьму? — В архиве фирмы Артема. Ты знаешь код доступа к серверу. Он менял его раз в год, в день вашей годовщины. Сегодня твой шанс. — Я не могу взломать компанию мужа. — Ты можешь сделать то, что должен был сделать он. Вернуть долг обществу. Я сдала связку. Вернуть долг обществу — это ему нужно. Мне нужно вернуть дочь. Но свои подписи под бумагами Артема я помнила: он торопил, говорил, что без меня задержится сделка. Если там есть доказательства против него, я хочу увидеть их сама. — Если найдешь — у нас будет чем отбить его обвинения. Если нет — справки останутся главным доказательством. Я не могу обещать тебе дочь одним словом. Он уехал прежде, чем я нашла следующий вопрос. Я еще постояла у подъезда, сжимая ключи. Паспорт у полицейских, дочь у чужих людей; зато теперь у меня был адрес и время суда. Завтра в десять. До этого нужно успеть открыть архив.

В квартире пахло пылью и старыми обоями. Нашла выключатель у входа. В люстре моргнула и погасла одна лампочка; остальные еще горели, и я прошла на кухню. На столе лежало наполовину съеденное яблоко с побуревшей мякотью. Рядом — записка. Крупная «И» с петлей. Артем всегда так начинал ее, даже в короткой записке мне на холодильнике. Наклонилась над столом, хотя уже узнала почерк. «Инга права, ты слишком много знаешь».

Я не села. Записка лежала рядом с недоеденным яблоком, как будто хозяин квартиры просто вышел в магазин. Здесь побывал Артем — или тот, кому он ее передал. Мне показали убежище и положили внутрь угрозу. Вольф знает? Сфотографировала бумагу вместе со столом и отправила ему. Потом еще саму дверь: замок выглядел целым. Пока ждала ответа, держала ключи в руке. Отступить было некуда, зато я могла хотя бы не оставаться здесь молча.

Села, держа ключи на коленях, и открыла номер Инги, присланный Вольфом еще в машине. Вчера она побледнела от одного упоминания первой жены. Сейчас нужно, чтобы опять испугалась. Я посмотрела на записку: «слишком много знаешь». Пусть поверит в то, что написано его рукой. Нажала вызов. Инга долго не брала трубку. Я считала гудки и приготовилась звонить еще раз, когда она ответила. — Кто это? — женский голос, сонный, но напряженный. — Это та, кто вернет тебе свободу, если ты дашь мне пароль от архива Артема. Инга молчала, но связь не отключила. Я прижала телефон крепче и ждала — пусть первой заговорит она. — Ты сошла с ума. — Возможно. Но я знаю, что ты боишься не Артема. Ты боишься того, что будет, когда он упадет. А он упадет. Вопрос лишь в том, на кого он упадет первым. В трубке шуршало, будто она отвернулась, прикрыв микрофон. Я уже приготовилась повторить угрозу, но Инга заговорила сама. — Код: Wolf1985. Связь оборвалась.

Записку не выбросила: вложила под край ноутбука, чтобы не потерять. Пароль открыл архив. На экране были фамилии, даты и суммы, которые я прежде заполняла за Артема. Теперь сохраняла их для Вольфа. После первых страниц проверила, пришли ли файлы адресату. Лиза не знала ни одного из этих взрослых слов; она ждала, когда мама приедет за ней. Я продолжила выгрузку.

Глава 6

У входа в «Гармонию» я подтянула курьерскую сумку и прижала ее к боку. Здесь я принимала пациентов и знала, где лежит запасная упаковка бахил. Телефон Дмитрий забрал перед входом: «Увидят связь со мной — спалишь все». В кармане остался конверт с фальшивым предписанием от его конторы. От хлорки щипало нос; раньше этот запах означал начало рабочего дня, сегодня — что меня узнают еще до архива.

За стойкой сидела Галина Петровна. Я узнала ее по очкам на цепочке, а она меня — сразу, даже не пришлось предъявлять конверт. В первую секунду мне захотелось поздороваться как обычно. Она отодвинула от себя чашку, чтобы не мешала вставать.

— Ты? — прошипела она, не повышая голоса, но так, что слышно было до конца коридора. — Жива ещё? Пришла психопатка, избившая мужа? Охрана!

Я сжала ручку сумки. У камеры над стойкой мигал огонек; стоило поднять голову, и лицо будет на записи. Здесь, где я раньше объясняла людям, как пережить паническую атаку, сейчас самой хотелось убежать. Галина уже звала охрану. Пришлось заговорить о единственном, что могло ее остановить, — о дочери.

— Галина Петровна, — я шагнула ближе и заговорила так тихо, чтобы ей пришлось наклониться ко мне, если она хочет услышать про дочь. — У Дашеньки сегодня контрольная по алгебре? Или она снова закрылась в своей комнате и не выходит третий день?

Галина дернула головой к коридору и снова посмотрела на меня. Уже не звала охрану. Ее дочь была моей бывшей пациенткой; сколько раз она ждала меня после приема, чтобы спросить о Даше, а сейчас могла только открывать рот. Я знала, куда ударить. От этого знания стало противно, но конверт из кармана все-таки достала.

— Откуда ты... — начала она, но осеклась.

— Мне нужно просто оставить документы в подсобке для архива, — конверт лег на столешницу печатью к ней. — Вы знаете, как работает эта система. Если сейчас начнется скандал, ваш начальник спросит, почему вы впустили человека без пропуска в служебную зону. А если вы просто проводите меня в кладовую, пока я «жду лифт», никто ничего не заметит. Ваш выбор, Галя. Ваша репутация против моих документов.

Галина прочитала название конторы на конверте и потянулась к нему. Я прижала угол пальцем. Внутри было фальшивое предписание; дай ей сейчас прочитать — придется объяснять каждую строчку. Я не убирала руку со стойки. Пусть думает, что документы важнее, чем есть на самом деле. Она вытащила ключи из кармана, отодвинув чашку еще дальше. — Быстро. Пять минут. И чтобы духу твоего тут не было после этого времени.

Мы прошли в тесную подсобку, пахнущую пылью и старой бумагой. Галина вышла, повернула замок снаружи и удалилась быстрыми шагами. Последний щелчок замка заставил меня обернуться. Можно было окликнуть Галину, потребовать открыть — и снова услышать про охрану. Я осталась у двери, прислушиваясь, пока ее шаги не стихли. Телефон у Дмитрия, конверт у нее. Хоть бы оригиналы медкарт Лизы действительно лежали здесь.

В углу стоял старый серверный шкаф, обмотанный изолентой. Я заглянула за него, искала ключ на верхней полке. Ничего. Рядом с выключателем висела панель управления; из нее торчали провода, и я убрала руку, не успев коснуться. Черт. Галина заперла меня. Ей теперь можно вернуться за стойку и ждать, пока кто-нибудь другой со мной разберется. Полиция уже едет? Или она просто хочет, чтобы я посидела тихо, пока она оформляет «пропажу»?

От обещанных пяти минут хорошо если осталось две. От голода тянуло под ребрами; хотелось опереться о полку и переждать, но каждый шорох за дверью заставлял выпрямляться. Я полезла в карман куртки, надеясь найти хоть какую-то отмычку, но нашла лишь скрепку, которую подобрала у входа.

Скрепку пришлось разгибать о край полки: порезанными пальцами не получалось. Простула конец в замочную скважину архивного шкафа, надавила. Щелчок — но дверца не поддавалась. Еще раз. По коридору шли к подсобке, и я перестала дышать, чтобы различить шаги. Галина? Раньше срока? Скрепка осталась в замке; выдернуть ее сразу не удалось.

Дверь подсобки скрипнула. Внутри замерцал свет из коридора. Я обернулась, готовая к столкновению с охранником или полицией. Но в дверном проеме стоял высокий парень в медицинской форме. Тимур. Стажер-медбрат, которого все называли «немым» за его привычку избегать конфликтов. Он держал в руках коробку с бланками и смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

Тимур перевел взгляд с меня на замочную скважину. Скрепку я наконец вытащила, но поздно: он уже увидел.

— Вероника Андреевна? — прошептал он и чуть опустил коробку, чтобы лучше разглядеть меня. Так он окликал меня на работе, когда нужно было что-нибудь спросить. Я едва не ответила привычным «что у тебя?».

— Тимур, — я выпрямилась, убирая руки за спину, пряча улику. — Ты не скажешь ни слова, если я объясню, зачем пришла.

Парень колебался. Его взгляд метнулся к коридору, где послышался голос Галины: «Тимур, ты там?». Шагнув внутрь, Тимур закрыл дверь и осторожно отпустил ручку, проверяя, не заклинила ли защелка. Галина снаружи возмущенно позвала его еще раз.

— Инга приходила вчера, — вдруг сказал Тимур полупшепотом. — Она перекладывала бумаги в журнале учета. Подписи ставила сама. Я видел. Я испугался и ушел. Но потом... потом мне стало стыдно. Вы ведь не нарочно.

Я перестала прятать скрепку. — Тимур, запиши, что видел. Сейчас, пока не забыл. Я найду тебе адвоката.

— Мне нужна папка с делом Лизы, Тимур. Оригинал. Там должны быть справки о её состоянии, которые Инга подделывала задним числом.

— Их нет в шкафу, — он покачал головой. — Их унесли в кабинет главного врача. Ключей у меня нет. Галина не даст нам времени даже на то, чтобы выйти.

Тимур поставил коробку на пол и прислушался. В коридоре Галина разговаривала с кем-то еще. Если она сейчас позовет нас по именам, прятаться будет негде. Главврач не отдаст папку мне в руки, даже если я напомню, сколько пациентов привела в эту клинику. Нужно было заставить людей уйти из коридора хотя бы на минуту.

Через мутное стекло двери виднелся красный корпус пожарной сигнализации. Достаточно было выйти и ударить по стеклу. Тимур поймал мой взгляд и покачал головой еще до того, как я заговорила. Он понял. Теперь нужно было заставить его согласиться.

— Слушай внимательно, — сказала я, подходя к нему вплотную. — Когда я включу сигнал тревоги, будет паника. Все выбегут в холл. Ты останешься в коридоре. У тебя будет тридцать секунд, пока они разбираются с датчиком. Проверь стол главврача. Если папка еще там, принеси ее. На обложке — Лиза Ковалева. Только не лезь в сейф и не рискуй, если увидишь кого-то внутри.

— Но меня уволят... — начал он.

— Я не могу обещать, что тебя не уволят. Но могу свести с юристом, который защитит твои показания. — Тимур еще смотрел на меня, ожидая чего-то большего. Хотелось пообещать, что я все улажу. Вместо этого указала на дверь. — Иди. Сейчас.

Глава 7

Я толкнула дверь подсобки, выскользнула в коридор и ударила кулаком по стеклу сигнализации.

Звук был оглушающим. Красная лампа замигала, заполняя пространство пульсирующим алым светом. Из холла донеслись крики, топот ног, звон упавшего стула. Галина выкрикнула фамилию дежурного; никто не ответил. Коридор на минуту остался пустым.

Я прижалась спиной к стене, наблюдая. Тимур, побледневший, но решительный, метнулся к кабинету главврача. У двери кабинета он оглянулся. Я кивнула, хотя самой хотелось крикнуть, чтобы вернулся. Тимур скрылся внутри; теперь оставалось смотреть на дверь и ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.